УДК [322:2:37]"1985/1991"

ПИГОРЕВА О.В.

Государственная политика в религиозной сфере и реформирование системы образования: 1985–1991 годы

В статье рассматривается, как в переломный момент в истории Отечества и сознании людей в условиях отказа от коммунистического мировоззрения и нарастания духовного кризиса проводилось реформирование народного образования. Показано, как изменение государственной политики в религиозной сфере в ситуации развития демократии и гласности сказалось на образовательных запросах населения, что в совокупности оказало влияние на систему образования.

Ключевые слова: государственная политика, религия, система образования, перестройка, Русская Православная Церковь, религиозные ценности.

Политические и социально-экономические реформы периода «перестройки» неоднозначно оцениваются в отечественной истории, но решение в этот период «религиозного вопроса» вошло в историю как начало коренных позитивных преобразований: изменились государственно-церковные отношения, место и роль Церкви в обществе, расширились возможности ее деятельности, на смену атеистическому мировоззрению пришло возрождение религиозной культуры. Происходившее во второй половине 1980-х годов реформирование образовательной сферы, направленное на демократизацию и регионализацию, позволило учитывать образовательные потребности населения при организации обучения. Мы рассматриваем все, что связано с православной культурой России, как бесценное культурно-историческое наследие страны, неотъемлемый компонент в цивилизационном развитии человечества, поэтому анализ влияния государственной политики в «религиозном вопросе» на систему образования, обращение к истокам изучения в школах нравственных религиозных ценностей необходимы для построения современной системы образования с учетом потребностей населения и определения приоритетов вектора воспитательной работы.

Начавшаяся в 1984 году школьная реформа, продолжившаяся в период «перестройки», проводилась в соответствии с Основными направлениями реформы общеобразовательной школы. Значительным недостатком во второй половине 1980-х годов признавался формализм в работе школ и вузов, в связи с чем реформа была нацелена на «решительное преодоление застойных явлений, отживших методов, формализма и схоластики, начетничества и догматизма в учебно-воспитательной, научно-методической и исследовательской работе[1]. Органы управления образованием в процессе проведения реформы с большим интересом стали относиться к работе внешкольных учреждений. Признавалось, что внимание со стороны органов власти, местных органов народного образования к проблемам внешкольных учреждений ослаблено, во многих территориях страны система работы внешкольных учреждений не отвечает возникшим потребностям[2]. Планировалось в процессе реформирования школы усилить работу с родителями, активнее вовлекать их в воспитание подрастающего поколения. В школьной реформе важным направлением оставалась атеистическая подготовка, о чем свидетельствуют нормативные документы, которыми система образования руководствовалась в

своей деятельности: материалы XXVII съезда КПСС об атеистическом воспитании, июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, Постановление коллегии Министерства просвещения СССР и Президиума АПН СССР от 5 февраля 1982 года № 4/2, рекомендации Всесоюзной научно-практической конференции «Научно-атеистическое воспитание – составная часть коммунистического воспитания учащихся» (1982 г.)[3] и др.

Февральский (1988 г.) Пленум ЦК КПСС признал несостоятельность проведенных образовательных мероприятий и предложил следующие пути реформирования народного образования: создание системы непрерывного образования и превращение ее в действующий фактор развития личности, гуманизация образования, всесторонняя демократизация школы и системы педагогических отношений, повышение качества подготовки рабочих кадров, совершенствование общественного воспитания детей и подростков, всемерное обогащение воспитательной работы во внеурочное время, обеспечение непрерывного образования педагогических кадров и населения, техническое переоснащение учебно-материальной базы учреждений системы народного образования и др.[4]

Образовательная сфера на рубеже 1980–1990-х годов в силу ставшей возможной в процессе реформирования открытости происходящим в стране общественно-политическим изменениям должна была учитывать образовательные запросы населения и реагировать на них в соответствии с проводимой в стране политикой демократии и гласности. В числе острых проблем в этот период были национальные отношения, девальвация нравственных ценностей, декларирование в процессе обучения устаревших лозунгов, в том числе атеистической направленности.

Важным направлением в реформировании образования стала его гуманизация. Однако целостной концепции гуманизации народного образования выработано не было, это направление неоднократно менялось в период проведения реформ. Так, под гуманизацией понималось эстетическое, экологическое, физическое, интернациональное воспитание, повышение нравственности и морали как «главной основы коммунистического сознания», введение в вузах гуманитарных курсов «от истории отечества, истории национальной русской и союзной, общественной мысли до теории музыкальной, живописной, языковой и т.д.», преподавание в технических вузах гуманитарных курсов[5]. В дальнейшем идея гуманизации образования в условиях изменения государственно-церковных отношений конкретизировалась на местах, важным ее элементом стало обращение к ценностям отечественной и мировой культуры, общечеловеческим нравственным категориям, имевшим в своей основе христианские сюжеты, образы, заповеди.

Особая роль в процессе реформирования системы образования отводилась преподаванию истории и обществоведческих дисциплин как в средней, так и в вышей школе. Освоение этих курсов по сложившейся в советский период традиции напрямую связывали с изучением политики правящей партии. Подобное преподавание в условиях общественно-политических событий второй половины 1980-х годов вызывало отторжение у молодежи, части преподавателей. Образовавшийся идейный вакуум инициативные педагоги, не удовлетворенные содержанием программ общественных дисциплин, стали заполнять авторскими курсами вопреки государственной программе[6]. В условиях, когда кафедры общественных наук обвиняли в проявлении в студенческой среде бездуховности, девальвации ценностей[7] , материал по истории и культуре религии становился новым средством воспитания.

В связи с обострением в стране межнациональных отношений образовательные учреждения начали с новых позиций реализовывать интернациональное и патриотическое воспитание детей и молодежи. Демократические реформы в народном образовании, с одной стороны, имели интернациональную направленность, с другой – предполагали сохранение национального самосознания и раскрытие регионального своеобразия[8]. Широкую поддержку на I съезде народных депутатов РСФСР получило предложение депутата писателя В.Г. Распутина формировать «национальное самосознание»[9] . На специальном заседании коллегии Минвуза от 19 октября 1989 года отмечалось, что важная роль в решении национального вопроса «принадлежит высшей и средней

специальной школе, в которой работает значительный отряд интеллигенции – сознательной носительницы национальной культуры каждого народа...»[10]. Определяя вектор воспитательной работы, Председатель Гособразования СССР Г.А. Ягодин отмечал, что «несформированность национального самосознания, неподготовленность в национально-культурных вопросах чаще всего создает благоприятную почву для деформаций в межнациональных отношениях, проявлений национального эгоизма», и указывал на недопустимость «строить образование и воспитание в отрыве от национальной культуры»[11]. Поскольку национальная идентификация предполагает определение религиозной принадлежности, возможным полем трансляции знаний по истории и культуре религии в новых условиях становилось реализуемое в рамках национальной политики патриотическое воспитание.

Изменение государственно-церковных отношений и религиозное возрождение сформировали социальный заказ на изучение православной культуры. Увеличилось количество верующих, в том числе и лиц молодого возраста, повышалась роль молодежи в деятельности религиозных организаций. Появилась категория молодых верующих, религиозность которых выражалась как осознанная и отстаиваемая мировоззренческая позиция[12]; в молодежной среде в конце 1980-х годов начинала просматриваться иная по сравнению с другими возрастными группами тенденция, более четко оформившаяся в 1990-е годы: в отличие от людей старшего возраста, где доля верующих была выше среди менее образованных лиц, верующих было больше в числе более образованных молодых людей[13].

Осознание необходимости воспитания подрастающего поколения с учетом духовных традиций своего народа с опорой на нравственные религиозные ценности возникло в регионах, в педагогических коллективах, его появление было связано со стремлением людей, обеспокоенных будущим страны, ощутивших несостоятельность коммунистических идеалов, организовать воспитательную работу детей и молодежи на основе нравственных традиционных религиозных ценностей. Звучали высказывания о том, что даже обычное знакомство с религиозной моралью оздоровит общественную нравственность, а позитивные изменения в моральной сфере общества произойдут после обращения к религиозным ценностям, при этом подчеркивалось, что не все познакомившиеся с историей и культурой религии станут верующими.

Русская Православная Церковь одной из первых предложила начать организованное обучение детей религии. Так, 17 июня 1988 года в пресс-центре Министерства иностранных дел состоялась заключительная пресс-конференция в рамках проведения торжеств в честь 1000-летия христианства, на которой впервые Русской Православной Церковью был озвучен вопрос об организации обучения детей религии[14]. Церковь обращала внимание и на то, чтобы различные школьные учебные дисциплины «не искажали реального места религии в жизни, истории, культуре человека»[15]. Причины, побудившие Церковь обратиться к государству с просьбой разрешить преподавание религии в светских учебных заведениях, были различны. Патриарх Алексий II охарактеризовал это как желание служения своему народу, реализацию Церковью своих «нравственных обязательств, долг нашей совести и веры»[16]. Высказанное Патриархом Алексием II предложение организовать преподавание религиозных дисциплин в общеобразовательных школах, обоснованное тем, что в правовом государстве верующие должны иметь возможность хотя бы факультативно, вне учебной программы, знакомить детей с основами вероучения, встретило на сессии Верховного Совета СССР сопротивление части депутатов[17]. Летом 1990 года в Комиссии Верховного Совета по делам свободы совести прошли дискуссии, связанные с предложением Церкви организовать в светских учебных заведениях преподавание религии[18]. Патриарх Алексий II отмечал, что «Верховный Совет не согласился принять поправку, которая прямо разрешала бы организовывать в школах обучение вере. Такого прямого разрешения в Законе сейчас нет, но нет и запрета»[19].

В период «перестройки» законодательно оформлялось соблюдение в стране свободы совести как правовой нормы, в том числе закреплялась возможность изучения в системе народного образования курсов по истории и культуре религии, что отразилось в обсуждении и принятии За-

кона СССР «О свободе совести и религиозных организациях». В частности, в проект Закона была включена статья 6, регламентирующая возможность граждан обучать и обучаться религии, именно она была в числе наиболее дискуссионных, высказываемые предложения были весьма противоречивыми. В числе противников внесения изменения в законодательство СССР в части изучения религиозных дисциплин в школах были научные организации, представители интеллигенции. Так, депутат С.С. Аверинцев предложил не допустить преподавания религиозных вероучений в учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы[20]. В ответ на это в Комитет по законодательству Верховного Совета СССР было направлено много откликов, в которых высказывалось негативное отношение к данному предложению[21]. Научный совет Академии наук СССР «Роль религии в истории» на заседании бюро, проходившем 14 июня 1990 года, отмечал, что проект Закона «заслуживает одобрения, представляет собой значительный шаг вперед в сравнении с действующим законодательством», и рекомендовал в статье 6 «снять так называемый вариант о запрещении преподавания религиозных вероучений в светских школах и заменить его положением о возможности преподавания истории церкви и религиозных организаций в форме специальных курсов и факультативных занятий»[22].

В обсуждение проекта нового Закона активно включились рядовые граждане. Анализ писем, предложений представителей общественности по проекту Закона позволяет судить о религиозной ситуации в обществе и образовательных запросах населения. Так, житель г. Воронежа гр. Л.С. Шишкин, ветеран труда, член КПСС, писал в Верховный Совет ССР, что преподавание основ религии «необходимо, так как воспитывать в народе нравственное начало – делать добро, духовность нужно с детских лет. Иначе будет поздно, и еще одно поколение, получив светское образование, нравственно будет обеднено»[23]. Звучали предложения преподавать «основы веры» «для ускорения оздоровления общества (пробуждения совести, приближения к милосердию многих очерствевших людей)»[24]. Граждане высказывали предложения осуществлять преподавание вероучения и получать различные уровни религиозного образования на любом языке на теологических факультетах государственных университетов, имеющих исторические традиции существования таковых; в иных высших и средних государственных учебных заведениях – факультативно, по желанию учащихся, и при их несовершеннолетии – по желанию родителей или лиц, их заменяющих; в духовных учебных заведениях; в общеобразовательных школах; частным образом, индивидуально или совместно с другими, в том числе на дому и при религиозной организации; факультативно изучать историю религии в помещениях средних общеобразовательных школ в воскресные дни[25]. Написанные простым, разговорным языком, далеким от педагогической науки, без юридической терминологии, письма, обращения граждан в целом содержали одобрение преподавания религиозных дисциплин в рамках светского образования, предложения касались всех уровней образования, предлагались для изучения различные дисциплины – от вероучительных до культурологических и исторических. Главным принципом называлась добровольность посещения инновационных курсов. Целью изучения религиозных дисциплин в рамках светского образования советские граждане прежде всего видели воспитание у подрастающего поколения нравственных качеств.

Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях» можно назвать эпохальным для советской истории, а дискуссии, развернувшиеся после опубликования его проекта, явились лакмусовой бумажкой, продемонстрировавшей партийно-правительственным структурам реально сложившуюся в обществе в целом и на местах ситуацию в религиозном вопросе.

Происходящие в стране общественно-политические и экономические реформы, кризис в межнациональной сфере, публикация в средствах массовой информации разоблачительных материалов о фальсификации истории, демократизация подходов к образованию, появившаяся возможность учета в процессе образования и воспитания национальных и культурно-исторических особенностей явились тем фоном, на котором на рубеже 1980–1990-х годов стало возможным творчески работающим

педагогам начать преподавание, еще фрагментарное, отдельных сведений по истории и культуре религии в рамках действующих на тот момент учебных программ. Министерство образования РСФСР в 1991 году высказывало озабоченность тем, что стремительное изменение в обществе отношения к религии проявлялось в образовательных учреждениях в двух крайностях: воинственном отторжении религии, резком противодействии сотрудничеству с представителями различных религиозных организаций и слепом преклонении перед религией, стремлении сменить партийную идеологию другой, взгляде на религию как на единственную панацею от всех социальных болезней общества. Органы управления образованием не могли не учитывать все усиливающийся интерес населения к возрождению православной культуры. Министерство образования РСФСР в 1991 году приняло решение о том, что «...органы управления образованием могут содействовать созданию внегосударственных образовательных заведений, религиозных воскресных школ и классов, организации духовных учебных заведений, введению в учебный процесс курсов истории религий как части истории культуры. Вместе с тем преподавание «Закона Божьего», вероучений, богослужения в государственных учебно-воспитательных заведениях недопустимы»[26]. В условиях отсутствия на тот момент учебных программ, направленных на изучение истории и культуры религии, продолжались попытки встроить подобные сведения в отдельные учебные дисциплины, использовать их в воспитательном процессе, однако это был стихийный, инициированный отдельными педагогами процесс.

Таким образом, в 1985–1991 годах государственная политика в религиозной сфере начала оказывать влияние на систему образования. Реализация в процессе реформирования образования таких направлений, как гуманизация и демократизация, перестройка преподавания общественных дисциплин, интернациональное воспитание и формирование национального самосознания, происходила в условиях крушения привычной государственной системы, роста религиозности населения и повышения авторитета Русской Православной Церкви. Разрушение коммунистических идеалов, кризис в реализации школьной реформы, образовавшийся духовный вакуум на фоне изменяющегося законодательства о свободе совести позволили использовать религиозные ценности в системе государственного образования, однако в условиях отсутствия соответствующих учебных программ это был стихийный инициированными отдельными творчески настроенными педагогами процесс.

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-9563. Оп. 1. Д. 5360. Л. 3.

[2] Там же. Д. 4942. Л. 2.

[3] Бюллетень нормативных актов Министерства просвещения СССР. М., 1982. № 7.

[4] ГАРФ. Ф. Р-9661. Оп. 1. Д. 418. Л. 9.

[5] Там же. Д. 78. Л. 7, 16, 95, 96, 177.

[6] Григорьева Н.А. Государственная политика и практика развития гражданского образования в России (1958 – 2006 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 2009. С. 135–136.

[7] ГАРФ. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 8663. Л. 160–161.

[8] Там же. Ф. Р-9661. Оп. 1. Д. 70. Л. 46.

[9] Там же. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 8748. Л. 54.

[10] Там же. Л. 103.

[11] ГАРФ. Ф. Р-9661. Оп. 1. Д. 70. Л. 46–47.

[12] Зуев Ю.П. Динамика религиозности в России в XX веке и ее социологическое изучение // Гараджа В.И. Социология религии. М.: Наука, 1995. С. 192.

[13] Денисова Л.Н. «Мы желаем молиться Богу и славить наше Отечество...» Русские сельские женщины и религия // Церковь в истории России. М.: РАН, Ин-т Российской истории. Сб. 6. 2005. С. 288.

[14] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3668. Л. 86.

[15] Выступление Патриарха Алексия на заседании Верховного Совета СССР // Журнал Московской Патриархии. 1991. № 1. С. 57.

[16] Там же. С. 56.

[17] Служения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II // Журнал Московской Патриархии. 1991. № 1. С. 13.

[18] Выступление Патриарха Алексия на заседании Верховного Совета СССР // Журнал Московской Патриархии. 1991. № 1. С. 56.

[19] Слово Патриарха Алексия на торжественном акте в Московской Духовной Академии // Журнал Московской Патриархии. 1991. № 1. С. 38.

[20] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 4432. Л. 5.

[21] Там же. Л. 31–43.

[22] Там же. Л. 49–50.

[23] Там же. Д. 4430. Л. 257.

[24] Там же. Л. 262.

[25] Там же. Л. 189, 205.

[26] О демократизации воспитательной деятельности в общеобразовательных учреждениях РСФСР. Решение коллегии Министерства образования РСФСР от 24 января 1991 года, протокол № 1 // Вестник образования. 1991. № 3. С. 89–90.